

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЭВЕНКОВ И РУССКИХ НА СЕВЕРЕ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Рассматриваются кредитные отношения эвенков и русских в Киренском округе во второй четверти XIX в.

Ключевые слова: кредит; эвенки; русские.

Север Иркутской губернии – Киренский округ – гористый и таежный, с суровыми природными условиями, неудобный для земледелия, но богатый пушным зверем – в первую очередь привлекал промысловое население. В XVII в. округ активно заселялся русскими и уже в конце века «ясачные инородцы» составляли здесь менее трети населения. В дальнейшем население округа росло за счет естественного прироста и ситуация кардинально не менялась до середины XIX в. [1. С. 118–121, 230–231]. В XIX в. Киренский округ представлял собой рубеж между земледельческим югом, русское население которого быстро росло, и промысловым севером (Якутской областью), где преобладало коренное население. Русские были компактно расселены по берегам рек Лены, Илима, Нижней Тунгуски и Киренги, а глухая тайга к востоку от Ангары находилась в полном распоряжении тунгусов (эвенков) [2. Ч. 1. Вып. 1. С. 99, 105]. В середине XIX в. русские проживали в городах Киренске и Илимске и в 238 небольших селениях (по 3–5 дома в каждом). Оседлые эвенки проживали с ними в одних деревнях. По долине реки Пеледуй кочевало около 100 юрт якутов, а в остальном пространстве округа были рассеяны бродячие тунгусы [3. Ч. XX. Отд. III. С. 6–8].

Русское старожильческое население округа вело комплексное хозяйство, сочетавшее земледелие, огородничество, скотоводство, почтовую гоньбу, рыбные и звериные промыслы. Однако местное хлебопашество не покрывало потребности населения в хлебе, и крестьяне округа каждый год покупали зерно. Н. Щукин отмечал: «Трудность разрабатывать пашни в горах, покрытых дремучим лесом, частые неурожаи, надежда на звериные промыслы и выгодное содержание почтовых лошадей охлаждают у здешних жителей охоту к земледелию». Во второй четверти XIX в. Киренский округ продолжал оставаться промысловым районом, который в хороший год поставлял на рынок до 600 шкур соболя, до 1000 шкур лисиц и зайцев, до 150 шкур медведей, до 500 тыс. шкур белок и пр. [3. Ч. XX. Отд. III. С. 11–12].

Киренские крестьяне «белковали» артелями два раза в год: осенью – с октября до середины ноября и весной – с конца марта до середины апреля. Белку промыслили плашками (охотничья ловушка, представлявшая собой две доски с подпоркой) – 1 охотник ставил до 1000 штук. На промысел отправлялись в тайгу «около дома» или в «дальние ухожи», где у каждой артели были выстроены свои зимовья. Для снаряжения на промысел крестьянину были необходимы съестные припасы, одежда, винтовка, 1,5 фунта пороха, 3 фунта свинца, собака, лыжи и др. стоимостью примерно 14 рублей серебром [3. С. 14]. Для этого крестьянин покручивался (получал ссуду) [4. Т. 24. С. 252]. Всю сумму или часть ее охотник брал у торгующего крестьянина или купца с обязательством рассчитаться добы-

той пушшиной. Безусловно, эта форма ссуды ограничивала права охотника на плоды своего труда, но в условиях неразвитости рынка она была неизбежной и достаточно эффективной. Покрута пришла в Сибирь с крестьянами русского севера в XVII в. и в середине XIX в. не утратила здесь своего значения. Более того, традиционно регулируя отношения торгующего крестьянина и крестьянина-охотника, покрута регулировала также отношения русских крестьян и эвенков. «Этим покручением занимаются почти все крестьяне Киренского округа, так что ни один тунгус не продает своей белки купцу», – утверждал краевед Н. Щукин [3. С. 24].

Эвенки – бродячие охотники – промыслили в дремучей тайге, перемещаясь с оленями и с ружьем за зверем по обширным территориям, ловушками пользовались в меньшей степени. Эвенки охотились с сентября по декабрь и с февраля по май, а летом занимались рыбной ловлей. Оседлые эвенки охотились пешком, оставляя свои семейства и скот в деревне, а летом рыбачили и обрабатывали землю. Первые расчистки земель в Нижнеилимской инородной управе появились в 1817 г., а в 1830 г. оседлых тунгусов насчитывалось уже 26 душ (из 341 души, по данным последней ревизии 1824 г.) [5. Л. 93–97]. Их хозяйство было сравнительно небольшим, но стабильным: понемногу увеличивалась пашня, росло поголовье овец и лошадей (табл. 1). Эти навыки они, безусловно, перенимали от русских крестьян.

Таблица 1
Хозяйственная состоятельность тунгусов
Нижнеилимской инородной управы

Год	Площадь, десятин			Поголовье скота		
	усадеб	пашен	покосов	Лошади	Крупн. рог. скот	Овец
1830	2	10	15	23	25	17
1835	2	13	15	32	20	65
1837	2	15	15	45	23	68

Источник: ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 3. Л. 93–97, 172–175. Д. 5. Л. 87–92.

Охотничье-оленоводческое хозяйство бродячих эвенков, в большей степени зависимое от природных условий, было больше подвержено колебаниям, но в целом на численности населения управы в 30-х гг. XIX в. это не отражалось (табл. 2).

Таблица 2
Населенность и доходность Нижнеилимской инородной управы

Год	Мужчины, чел.	Женщины, чел.	Всего, чел.	Олени, голов	Доход от продажи шкур зверей, руб.
1830	190	184	374	1696	4822,50
1835	188	194	382	1500	1792,40
1837	199	210	409	1663	3967,60

Источник: ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 3. Л. 93–97, 172–175. Д. 5. Л. 87–92.

Необходимость кредита обуславливалась сезонностью и нестабильностью результата охоты. Относительно высокая стоимость промыслового снаряжения не обеспечивалась традиционным хозяйством аборигенов, рассчитанным на натуральное потребление. Для кредитования тунгусов в Киренском округе существовали казенные экономические магазины, но их ассортимент был ограничен так же, как и условия кредита, а киренские крестьяне могли предложить им много больше товаров с единственным условием – сдача всей добычи промысла только в их конкретные руки. «В разное время, поездив по округу... многократно слышал от крестьян о людях, имеющих покругу тунгусам. Жалобы заключались в том, что они тунгусов покручивают, то есть снабжают их все время года хлебом и др. припасами на одежду, обувь, сукно и пр., чтобы покрученники тунгусы добытых весной и осенью зверей шкуры не запродавали на сторону, доставляли покрутившему его хозяину... и теперь они за покругу свои уплаты пришли в разорение. И необходимо принять меры для обеспечения будущего забора податей» – так описывал эту ситуацию заседатель Киренского земского суда в 1826 г. [6. Л. 344–345].

Старая добрая покруга, и без того включавшая элемент зависимости покрученника от хозяина, в отношениях русских и эвенков несколько видоизменилась. Она обеспечивала не только сбор на промысел, но и расширявшиеся потребности аборигенов. Значительная часть эвенков, проживающих в Киренском округе, во второй четверти XIX в. знала русский язык, носила русскую одежду и обувь, употребляла в пищу хлеб, сахар, масло, говядину, вино и, конечно, пользовалась винтовками на промысле, для чего им постоянно требовались порох и свинец [3. С. 7, 24]. Условия такого кредита были, разумеется, кабальными. В ответ на предоставление всего необходимого с продолжительной отсрочкой платежа охотник-эвенк должен был сдать всю промысловую выручку только своему хозяину.

Вот как эмоционально повествовал об этом исполняющий должность Киренского земского исправника в 1838 г.: «Торгующие люди, отдавая свои ничтожные товары... назначают за них дорогие цены... корыстолюбивые кредиторы отбирают у них весь звероловный промысел их и прочие произведения за цену ничтожную и назначаемую по собственному произволу... не получив с покрученников в срок всего долга вновь и вновь из года в год задают их до такой еще суммы, ко-

торая в несколько крат превышает все состояние должников» [7. Л. 442–445]. Такая экономическая зависимость формировалась на протяжении большого отрезка времени, носила массовый характер и к XIX в. уже была устоявшейся, так или иначе выгодной обеим сторонам. Если хозяину становилось невыгодно содержать охотника-эвенка, он отказывал ему в кредите и тот вынужден был искать себе нового благодетеля. В свою очередь сам эвенк тоже всегда мог покинуть пределы округа и не возвращаться, оставив кредитора.

Несправедливость этого неэквивалентного обмена в начале XIX в. испытывали на себе прежде всего местные власти, когда опутанные кабалой аборигены были не в состоянии заплатить подати в управу, ясак и долги в экономический магазин за порох. Но, разумеется, они находили выход из положения. Власти обязывали торгующих крестьян платить все подати и долги своих покрученников. Так, в 1827 г. во все волостные правления были разосланы указы с повелением «привести в известность» всех крестьян, покручивающих тунгусов, и обязать их подписками уплачивать за них все подати. 27 сентября 1827 г. такие подписки давали крестьяне села Омолоевского Орлинской волости Михайло и Григорий Дедюхины и др., покручивавшие тунгусов Киренско-хондинской инородной управы [6. Л. 346.]. В феврале 1835 г. такие подписки под страхом суда земскому заседателю Нечаеву давали крестьяне Тушеменского и Кирульского селений Киренской волости, покручивавшие тунгусов Нижнеилимской инородной управы. При этом все они каждый раз оговаривали, что если их покрученник перейдет к другому хозяину, то и они тогда подати за него платить не станут [5. Л. 101–108]. И такие случаи бывали, т.к. необходимость в подписках возникала не раз. Местные власти административно закрепляли уже сформировавшиеся экономические связи русских и эвенков, тем самым объективно способствуя их сохранению.

Итак, экономические связи эвенков и русских на севере Иркутской губернии формировались на протяжении длительного времени и были обусловлены спросом русских на пушнину. Ко второй четверти XIX в. соседство русских привело к изменению материальных потребностей аборигенов, что поставило их в зависимость от русских товаров. Местные власти, соблюдая государственный фискальный интерес к «ясачным инородцам», способствовали консервации сложившихся отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1975.
2. Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. СПб., 1906.
3. Шукин Н.С. Киренский округ Иркутской губернии // Журнал МВД. СПб., 1956.
4. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1898.
5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 461. Оп. 1. Д. 3. Отчет о состоянии Нижнеилимской инородной управы за 1830 г.
6. ГАИО. Ф. 26. Оп. 2. Д. 36.
7. ГАИО. Ф. 26. Оп. 2. Д. 60.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 января 2009 г.